

УДК 94(38).09

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.10>

С. В. Телепень

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАМЕСТНИКИ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье анализируется положение провинциальных наместников сенатских и императорских провинций в период принципата, выступающих здесь в качестве военачальников высшего ранга. На основании анализа главным образом нарративных и эпиграфических источников делается вывод об определяющем значении аристократических традиций военного лидерства в осуществлении полководческих функций наместниками обеих категорий. Указанные традиции сложились еще в ту эпоху, когда понятие *provincia* имело всеобъемлющий смысл в качестве определения и юридической сферы, и географической зоны, в пределах которых наместник пользовался своим *imperium*'ом. Однако, как показывают источники, полномочия наместников поэтапно ограничивались, а возможности реализации полководческих амбиций попадали под всё больший контроль императора. В этой ситуации только стереотипы коллективного сознания римского нобилитета могли обеспечить сохранение наместниками обоих разрядов полководческой активности, продолжавшей и в период принципата характеризовать цивилизационное своеобразие римского общества и государства. Неотъемлемой частью данного своеобразия была очевидная децентрализация военного командования. Положение военного вождя во все периоды было чрезвычайно значимым в системе римских ценностей. В сочетании с корпоративным духом римской аристократии, сформировавшимся в период Республики, полномочия провинциального наместника не могли быть в одночасье низведены до

уровня исполнителя приказов вышестоящего командира. Источники показывают, что значительную автономию в принятии решений в период принципата сохраняли даже императорские легаты. Их стремление к такой самостоятельности обнаруживается на протяжении всего периода ранней Империи. Объяснять это лишь фактом удаленности провинций и своеобразия местных условий не представляется возможным. Явочным порядком под властью императоров в период ранней Империи продолжали жить республиканские практики, предполагавшие такую систему командования, при которой империй был реальным источником высшей власти, распределявшей относительно равномерно среди всех обладателей империя. Вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи выступают как фактически автономные военачальники, иногда реализовавшие свои лидерские амбиции вопреки официальному статусу императорских порученцев.

Ключевые слова: принципат, императорская власть, провинции, военное командование, аристократия, прокураторы, легаты.

Для цитирования: Телепень С. В. Провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 448–454. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.10

Sergey V. Telepen

PROVINCIAL GOVERNORS IN THE MILITARY COMMAND SYSTEM OF THE EARLY ROMAN EMPIRE

The article analyzes the position of the provincial governors of the senatorial and imperial provinces during the period of the Principate, acting here as military leaders of the highest rank. Based on the analysis of mainly narrative and epigraphic sources, a conclusion is made about the decisive importance of the aristocratic traditions of military leadership in the performance of military functions by governors of both categories. These traditions developed back in the era when the concept of *provincia* had a comprehensive meaning as a definition of both the legal sphere and the geographical area within which the governor used his *imperium*. However, as sources show, the powers of the governors were gradually limited, and the possibility of realizing military ambitions fell under the increasing control of the emperor. In this situation, only the stereotypes of the collective consciousness of the Roman nobility could ensure the preservation by the governors of both categories of military activity, which continued to

characterize the civilizational originality of Roman society and the state even during the Principate. An integral part of this originality was the obvious decentralization of military command. The position of the military leader in all periods was extremely significant in the system of Roman values. In combination with the corporative spirit of the Roman aristocracy, which was formed during the period of the Republic, the powers of the provincial governor could not be reduced overnight to the level of an executor of orders of a higher commander. Sources show that even the imperial legates retained considerable autonomy in decision-making during the period of the Principate. Their desire for such independence is found throughout the entire period of the early Empire. It is not possible to explain this only by the fact of the remoteness of the provinces and the peculiarity of local conditions. In the period of the early Empire, republican practices continued to live under the authority of the emperors, assuming such a system of command,

in which the empire was a real source of supreme power, distributed relatively evenly among all the owners of the empire. The conclusion we come to is that the provincial governors in the military command system of the early Roman Empire act as virtually autonomous military leaders, sometimes realizing their leadership ambitions in spite of the official status of imperial commissioners.

Полномочия военачальника высшего ранга были важнейшей характеристикой провинциального наместника на протяжении всей истории римской средиземноморской державы вплоть до начала эпохи домината. Тем не менее в 27 г. до н.э. император Цезарь Август, приступив к построению военно-монархической системы, известной как принципат, разделил провинций на сенаторские и императорские. В результате было введено положение, когда большинство провинций оказалось лишено сколько-нибудь значительных воинских контингентов, перейдя в разряд «мирных». Из десяти сенаторских провинций, оставленных Августом под сенатским управлением и управлявшихся проконсулами (Strabo XVII. 3. 25; Dio LIII. 12. 2–9), только в Африке, Иллирике и Македонии вначале имелись военные силы, позволявшие наместникам вести здесь относительно масштабные кампании. Иначе говоря, возможность осуществления проконсулом функций военачальника до поры обеспечивалась наместничеством в одной из трех названных провинций. Большинство же наместников сенаторских провинций отныне были лишены такой возможности, а значит перспектив получить триумф. Говоря о мотивах, которыми руководствовался Август, когда вводил данное положение, М.И. Ростовцев пишет: «О том, чтобы снова отдать войско сенату, не могло быть и речи. Такая попытка привела бы только новой гражданской войне... У Августа не было иного выхода, как только оставить командование за собой, не допуская никого другого к разделению этого права» [3, с. 54].

Для себя император оставил наиболее значимые в военном отношении приграничные провинции, в которых сосредотачивались абсолютное большинство легионов. Страбон и Дион Кассий в вышеуказанных местах своих сочинений отмечают, что Август взял под свое управление именно те части римской державы, которые являлись регионами наибольшей военной активности и служили щитом по отношению ко всей империи. Однако, не имея возможности присутствовать одновременно всюду, император должен был назначать своего рода заместителей – *legati Augusti propraetores*, которые управляли императорскими провинциями и командовали стоявшими здесь войсками от имени самого Августа. Эти легаты могут рассматриваться в качестве настоящих военачальников, командовавших легионами и вспомогательными войсками в масштабных наступательных и оборонительных кампаниях. Многие из наместников,

Key words: Principate, imperial power, provinces, military command, aristocracy, procurators, legates.

For citation: Telepen S. V. Provincial governors in the military command system of the early Roman Empire // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 448–454. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.10

являвшихся императорскими легатами, особенно в стратегически наиболее значимых рейнских и дунайских провинциях, как и в весьма удаленных, но опять-таки важных в военном отношении Британии или Сирии, мог ожидать, что ему будет предоставлена возможность проявить себя полководцем, пусть и действующим от имени императора. Данные эпиграфики, т.е. посвященные надписи, оставленные многими из представителей римской знати, дают нам основания предполагать, что наместничество в таких провинциях имело большое значение в качестве сферы приложения полководческих устремлений императорских назначенцев. В надписях такого рода отражено стремление императорских легатов определить себя в качестве успешных военных вождей. Например, Попилий Кар в официальной надписи (около 150 г.) сообщает о себе: «Легат в ранге пропретора Верхней Германии и командующий находящимися там войсками» (ILS 1071), а императорский легат Нумидии в 123 г. просто называет себя командиром III-го Августова легиона (ILS 1053). Тацит, в свою очередь, использует иносказание – он сообщает о командовании Паулином Помпеем и Луцием Ветером стоявшими на Рейне легионами, тем самым указывая на то, что они были здесь наместниками императорских провинций (Tac. Ann. XIII. 53). Разумеется, в случае необходимости проведения крупной военной кампании, главным образом наступательного характера, Август обычно направлял кого-либо из членов своей фамилии, тем не менее последующие императоры посылали в таких случаях уже не только кого-либо из императорской семьи, но и своих *legati propraetores* (Dio LXII. 7. 1, 20. 2–4; SHA Ant. Pius V. 4–5, Marc. VIII. 6–10; Joseph. AJ XVIII. 8. 2). Впрочем, для наместников данного ранга существенно более обычными были оборонительные кампании, которые велись по преимуществу по периметру наиболее опасных границ, т.е. на Рейне и Дунае (Tac. Ann. XI. 18, XII. 27, Hist. I. 79, IV. 54; Dio LIV. 20. 3–5; SHA Hadr. III. 9–10, Marc. XII. 13–14, XVII. 1–3, XX. 6, XXI. 7 – XXII. 2). О дунайских провинциях Б. Кэмпбелл пишет, как о наиболее значимых в военном отношении [6, p. 26]. Это, конечно, создавало угрозу узурпации со стороны наместников, командовавших расквартированными на Дунае весьма крупными военными силами. Так, например, в 193 г. Септимий Север, являвшийся здесь наместником и, соответственно, командиром легионов, смог поднять военный мятеж и в итоге стать императором

[8, с. 33–39]. С другой стороны, и в придунайских провинциях императорская власть по крайней мере до конца II в. была достаточно прочной [1, с. 36].

Южные и восточные рубежи империи также предоставляли императорским легатам значительный простор для проявления своих полководческих полномочий и качеств. Находившиеся под верховным командованием императора Нумидия, Египет, Испания Сирия регулярно подвергались вторжениям и набегам (ILS 1194; Strabo XVII; Dio LIX. 27. 2–3, LX. 9. 1; SHA Marc. VIII. 6, IX. 1, XII. 13). Честолюбивые легаты могли использовать эти вторжения в качестве повода для своих ответных экспедиций. Так, префект Египта, формально являвшийся не более чем императорским порученцем всаднического достоинства, контрактавал эфиопов, совершивших набег на эту провинцию (Dio LIV. 5. 4). Также и легат Испании преследовал вторгшихся было на Пиренейский полуостров мавров (Dio LX. 9. 1).

Разумеется, обязанности военачальников, осуществлявшиеся наместниками провинций, не сводились к проведению одних лишь военных кампаний. Помимо командования легионами в наступательных и оборонительных действиях наместники, особенно императорские легаты, которые отвечали за ситуацию в приграничных провинциях, посвящали значительную часть времени наблюдению за строительством военных объектов. Об императорских легатах известно, что те строили или восстанавливали военные лагеря (AE 1905. 212, 1909. 73, 1954. 137, 1999. 1266, 2001. 1689; CIL III. 5727, XIII 8260; ILS 2298, 9179), оборонительные стены и валы (AE 1954. 137, 1937. 152, 246; CIL X. 419; ILS 5337; RIB 1051) [см. также 10], форты (AE 1905. 114, 1906. 106, 1910. 145, 1952. 15, 1957. 279; CIL III. 3385; ILS 395, 5338), предмостные (на реках) укрепления (AE 1940. 170, 1941. 54), сторожевые башни (CIL VIII. 2495, 2495; ILS 2636, 5336), арсеналы (склады оружия) (AE 1901. 46; CIL XIII. 8824; ILS 9178) и тысячи километров дорог, имевших прежде всего военное значение (Tac. Ann. XI. 20; AE 1973. 543, 1997. 1495, 1496; CIL X. 8024; ILS 5828, 5829). Хотя многие из этих сооружений были построены либо отремонтированы формально от имени императора, легаты в своих официальных надписях указывали и свои имена, стремясь таким образом запечатлеть результаты своего пребывания в провинции и свой статус защитника римских границ.

С другой стороны, на наместниках, в частности императорских легатах, лежала обязанность непрерывно тренировать солдат, готовя их таким образом к будущим сражениям. Об этом достаточно красноречиво говорят папирусы, представляющие собой дошедшие до наших дней служебные документы (RMR 29, 98, 99). Более того, примерно с середины II в. наместники все чаще стали коман-

дировать отряды в рейды и дозоры, чтобы те в ходе своего патрулирования наблюдали ситуацию в наиболее значимых областях [5, p.282].

Разумеется, не все императорские легаты вели масштабные военные кампании. Некоторые добивались успеха, сочетая военные и условно дипломатические средства. Так, Тацит сообщает о ситуации на рейнской границе в 58 г.: «До этого времени на германской границе царило ничем не нарушаемое спокойствие, ибо оба полководца (т. е. наместники Верхней и Нижней Германии – С.Т.) надеялись поддержанием мира приобрести большую славу, нежели та, которую им могли бы доставить ставшие столь обыденною наградой триумфальные отличия» (Tac. Ann. XIII. 53 – пер. А. С. Бобовича). Тем не менее у таких, «миролюбивых», наместников были основания ожидать со стороны своих солдат определенного недовольства, так как воины стремились если не к славе и карьерным перспективам, то к добыче (Tac. Hist. I. 56, II. 36, III. 50, IV. 24). Впрочем, следует отметить, что в рассказе Тацита воинственные наместники, активно применявшие военную силу, присутствуют гораздо чаще. Императорские легаты зачастую буквально рвутся к тому, чтобы командовать войском и, соответственно, получать отличия за полководческие успехи (Tac. Agr. XIV, XVI–XVIII; Ann. III. 39, IV. 46, XI. 18, XII. 27–28; Hist. I. 79, IV. 54.), они собирают войска при необходимости подавить восстание в провинции (Tac. Ann. III. 41, 73) и спорят между собой о верховном командовании при проведении совместных кампаний (Tac. Ann. III. 42, 46). Тот факт, что такие полководцы из числа легатов имели только делегированный *imperium* (по этой причине формально они не могли претендовать на триумф и другие традиционные для полководцев республиканского времени отличия), кажется, сдерживал их стремление к командованию войсками лишь в самой малой степени. Все это вполне согласуется с высказываемой А.П. Смышляевым мыслью о сохранении наместниками периода ранней Римской империи самосознания и традиций аристократии времен Республики [4, с. 68, 71].

В ином положении находились наместники, назначавшиеся сенатом. Если императорские провинции являлись наиболее важными в военном отношении, то большинство сенаторских провинций были «мирными» и, соответственно, в большинстве случаев имели мало военных ресурсов и вообще возможностей для обеспечения их главам триумфальных украшений. К. Крист полагает, что общее количество находившихся в сенаторских провинциях легионов не превышало четырех [2, с. 534]. То есть проконсулы в период принципата, хотя и были наделены тем же самым империем, что и республиканские проконсулы, довольно редко имели возможность реализовать в качестве полководца. Но именно потому про-

консулы, в распоряжении которых войско все-таки имелось, стремились к использованию любой возможности для самостоятельного ведения собственной кампании. В своей надписи 19 г. н.э. наместник Иллирии сообщает, что он был первым, кто переправился через Дунай (ILS 8965), а два проконсула Македонии (Лициний Красс и Прим) были столь инициативны в военном отношении, что их действия, как сообщает Дион Кассий, стала основой для беспокорства самого Августа (Dio LI. 23–25, LIV. 3. 2).

Провинция Африка, находившаяся в ведении сената, была значима не только в качестве региона, где находились относительно крупные военные силы, но также являлась последним ресурсом назначения триумфа и провозглашения *imperator*’ом тех военачальников, которые не принадлежали к императорской фамилии. Согласно триумфальным фастам, можно заключить, что Корнелий Бальб, добившийся в качестве проконсула Африки военной победы, стал последним из тех, кто не будучи членом императорской семьи, удостоился в 19 г. до н.э. триумфа [7, р.36]. В свою очередь Юний Блез, последний из сенаторов, кто был провозглашен своими солдатами как *imperator*, добился этого почетного республиканского звания в качестве наместника Африки (Тас. Анн. III. 74). Иначе говоря, те проконсулы, которые в источниках фиксируются в качестве активных военных предводителей, продолжали искать традиционных почестей и отличий, хотя бы таковые в императорское время и стали для большинства аристократов существенно менее достижимыми. И это при том, что подобная полководческая амбициозность перманентным образом проявлялась в условиях, когда претензии такого рода грозили немилостью со стороны императора. Сила аристократических традиций была такова, что искание триумфов, прозвищ и отличий оставались, вероятно, таким же мощным стимулом для любого представителя римской знати, как и во времена Республики.

Вместе с тем, некоторые наместники из числа проконсулов как бы переносили свой полководческий авторитет на императора. Например, согласно Тациту, проконсул Африки Луций Априоний награждал некоего воина «ожерельем и почетным копьем. Цезарь (т.е. император Тиберий – С. Т.) пожаловал ему (этому воину – С.Т.), сверх того, гражданский венец, скорее сетуя на слова, чем на самом деле досадуя, что Априоний не сделал этого своей проконсульской властью» (Тас. Анн. III. 21 – пер. А.С. Бобовича). О подобной практике сообщает и Светоний. Он пишет о Тиберии, что «консулярам-военачальникам он сделал выговор за то, что они не отчитались в своих делах пред сенатом, и за то, что они попросили его распределить награды их воинам, словно сами не имели на это права» (Suet. Tib. XXXII).

Возможности наместников проконсульского ранга к самореализации в качестве военачальников поэтапно уменьшались. К 11 г. до н.э. Иллирик был передан под императорский контроль (Dio LIV. 34. 5), к 6 г. н.э. Македония в качестве пограничной провинции была заменена императорскими Мезией и Фракией (Dio LV. 29. 3; Тас. Анн. IV. 5; Hist. I. 11), а в 39 г. н.э. III-й Августов легион был выведен из Африки, так как Калигула не доверял вновь назначенному наместнику, представителю знаменитого республиканского рода Кальпурний Пизону (Dio LIX.20. 7).

В свое время Р. Шерк доказал, что большинство наместников сенаторских провинций обычно сохраняли при себе несколько когорт солдат [12, р. 52–62; 13, р. 400–413]. Эти силы были совершенно недостаточны для ведения масштабных военных действий, так что любая серьезная внешняя угроза требовала вмешательства императора или его легатов. Так, когда в 10 г. до н.э. со стороны фракийцев возникла угроза для сенаторской провинции Азия, то против этих варваров был направлен Луций Пизон Понтифекс, легат императорской провинции Галатия (Vell. II. 98. 1–3).

Хотя проконсулы потеряли возможность командовать в крупных кампаниях, они тем не менее должны были поддерживать в своих провинциях мир и порядок. Вероятно, угроза таких выступлений в сенаторских провинциях была относительно небольшой, так как эти регионы были в основном замиренены. Подавление волнений лежало в большей мере на императорских легатах, которые часто должны были выполнять трудную задачу управления провинциями, в которых сохранялось недовольство римскими порядками. Восстания и мятежи были здесь чаще и наместники должны были быть готовы выступить против восставших с такой же решимостью, как они это делали против вторжений извне (Тас. Agr. XVI–XVIII; Ann. III.38, 40, VI.41, XIV.34, 39; Hist. V. 9; Dio LVI. 18. 1, LXVII. 4. 6, LXIX. 13. 1, LXXII. 4. 2; SHA Marc. VIII. 8, Comm. XIII. 5). В ходе управления своими провинциями, императорские легаты должны были следить за размещением и перемещением своих солдат и назначать им различные виды военной деятельности, сообразные с близостью их провинций к враждебным внешним силам. Квинтилий Вар, например, до своего трагического похода в Тевтобургский лес (9 г. н.э.) практиковал командирование отрядов своего войска на подавление разбойников, конвоирование обозов, охрану важных объектов (Dio LVI. 19. 1–2). Если же восстание происходило в провинции, в которой не было войск, наместник был обязан произвести набор рекрутов из местных жителей или обратиться за помощью к другому наместнику, располагавшему войсками. В 21 г. н.э. наместник Лугдунской Галлии, императорский легат, воспользовался солдатами своего коллеги

из Нижней Германии (Тас. Анн. III. 41), между тем прокуратор Иудеи часто вынужден был просить военной помощи у наместника Сирии (Joseph. BJ II. 3. 1, 5. 1, 10. 1–9, 18. 9).

Однако проконсулы, даже если исходить из того, что в сенаторских провинциях восстания были менее частыми, судя по всему, предпочитали использовать свои собственные небольшие военные ресурсы и подавлять восстания самостоятельно, но не обращаться за помощью других наместников. Практика императорских порученцев, т.е. легатов, похоже, им претила. Мы можем назвать, пожалуй, лишь одно такое обращение – наместника Британии, столкнувшегося с крупным восстанием в его провинции. Но и в этом случае наместник обратился непосредственно к самому императору, т.е. Септимию Северу (Herod. III. 14. 1). И другой пример – проконсул Ахайи и Македонии Поппей Сабин в 31–32 гг. н.э. без чьей-либо помощи справился с выступлением самозванца, выдававшего себя за Агиппу Постума (Тас. Анн. VI. 10). Таким же образом поступил и проконсул Африки в 44–45 гг., будущий император Гальба, которому пришлось «наводить порядок» в своей провинции, «неспокойной из-за внутренних раздоров и из-за восстания варваров» (Suet. Galb. VII – пер. М. Л. Гаспарова).

Если исходить из того, что и императорские легаты назначались из представителей высшей знати, то вполне объяснимо, что даже они предпочитали использовать местную милицию или заимствовать солдат у наместника соседней провинции, но не делиться полководческим авторитетом. Например, когда в 28 г. крупное восстание в Нижней Германии создало слишком большую опасность для находящегося здесь войска, то местный наместник в ранге императорского легата просто обратился к легату Верхней Германии с просьбой прислать некоторое количество легионеров и ауксилариев, но даже не подумал просить присутствия последнего (Тас. Анн. IV. 73). Такое упрямство в проявлении наместнической самостоятельности выглядит противоречащим задачам военной кооперации, но это демонстрирует то, что даже в критической ситуации наместники продолжали стремиться к самостоятельности в делах командования и нежелание делить свои полководческие полномочия с кем бы то ни было.

Обязанности по поддержанию порядка вооруженной рукой не сводились к борьбе с внешним врагом. Полицейский контроль здесь был частью той работы, которую наместник выполнял в качестве военного лидера провинции. Как проконсулы, так и императорские легаты, должны были контролировать криминогенную обстановку. Эта сфера ответственности наместников восходит ко временам Республики (Cic. Ep. ad. Qui. fr. I. 1. 25), но и позже это положение оставалось актуальным. В III в. н.э. Ульпиан по этому поводу написал сле-

дующее: «Хорошему и достойному президу (т. е. наместнику – С. Т.) надлежит заботиться о том, чтобы провинция, которой он управляет, была мирной и спокойной. Этого нетрудно будет добиться, если он постарается очистить провинцию от злонамеренных лиц и примет меры к их розыску. Ведь он должен отыскивать святотатцев, разбойников, похитителей людей, воров и карать их сообразно с виной каждого» (Dig. I. 18. 13 – пер. А. А. Смышляева и И. С. Перетерского). Вероятно, внимание наместника сосредотачивалось на подобных вопросах, когда речь шла по преимуществу об опасности, исходившей от больших групп *latrones*. Такие масштабные вспышки криминальных угроз, возможно, не были частыми, но регулярное появление указаний на них в источниках, доказывает, что полностью устранить организованный разбой было невозможно. Согласно Плинию Младшему, даже в самой Италии путешествие по удаленным районам было чревато встречей с грабителями и убийцами (Plin. Ep. VI. 25). Ответ наместника на угрозы такого рода зависел от наличия у него соответствующих ресурсов. Все наместники заботились о том, чтобы солдатские посты имелись во всех стратегически важных местах (особенно на перекрестках важнейших путей), где те могли выполнять полицейские функции (CIL VIII. 2494–2495; ILS 509, 2052). Тем не менее лишь те наместники, которые имели в своем подчинении легионы, могли предпринимать крупномасштабные действия против разбойников, контролировавших иногда целые области (Herod. I. 10. 2–3; Dio LVI. 19. 1–2; Strabo XVI. 2, 20). Б. Шоу обращает внимание на то, что победы над *latrones* даже легаты приграничных провинций не стеснялись указывать в своих официальных надписях [11, p. 12]. Наместники не имевших крупных воинских сил провинций могли набирать воинов и вообще специалистов, особо искусных в действиях против разбойников. Так, Фронтон, собираясь в провинцию Азия, чтобы управлять ею от имени императора, обратился за помощью к своему другу Юлию Сенексу, человеку, который имел репутацию того, кто умеет отслеживать разбойников (Fronto Ep. ad Ant. Pium VIII. 1).

Проконсулы, а также наместники тех императорских провинций, в которых не имелось войск, требовали от местных властей брать на себя обязанности по поддержанию порядка на местах, с чем, по мнению Ф. Миллара, те в целом справлялись [9, p. 320–321]. Несмотря на делегирование этих обязанностей местным властям, наместники относились к борьбе с разбоем серьезно – они персонально контролировали назначение иренархов, выполнявших функции местных полицейских [13, p. 410]. Помимо того, поскольку наместник располагал довольно большой личной охраной, состоявшей из нескольких когорт, он мог использовать эти силы, чтобы проводить прямые

действия против *latrones*, где это было необходимо, привлекая также местное ополчение. Так, Дидий Юлиан в качестве легата Бельгии навел порядок в своей провинции силами не только своей охраны, но и набранной здесь же милиции (SHA Did. Jul. I. 7). Фад, прокуратор Иудеи между в 44–45 г. н.э., не только предпринял прямые вооруженные действия, чтобы прекратить бурную ссору между двумя деревнями, но также взял на себя очищение всей провинции от банд грабителей и убийц (Joseph. AJ XX. 1. 1). Таким образом, уровень полицейской активности, проявляющийся наместником, зависел от персональных склонностей наместника, возникавшей необходимости, а также от факта наличия ресурсов в его распоряжении.

Таким образом, в полководческой деятельности наместников, как проконсулов, так и императорских легатов, прослеживаются признаки республиканских аристократических традиций. Эти традиции, очевидно, сложились еще в ту эпоху, когда понятие *provincia* имело всеобъемлющий смысл в качестве определения и юридической сферы, и географической зоны, в пределах которых наместник пользовался своим *imperium*'ом. Однако очевидно, что условия в период принципата принципиально изменились. Прежние полномочия наместников поэтапно ограничиваются, а возможности реализации полководческих амбиций попадают под все больший контроль императора. В этой ситуации только стереотипы коллективного сознания римского нобилитета могли обеспечить сохранение наместниками обоих рядов полководческой активности, продолжавшей и в период принципата характеризовать ци-

вильзационное своеобразие римского общества и государства. Неотъемлемой частью данного своеобразия была очевидная децентрализация военного командования. Положение военного вождя было вообще чрезвычайно значимым в системе римских традиционных ценностей. В сочетании с корпоративным духом римской аристократии, сформировавшимся в период Республики, полномочия провинциального наместника не могли быть в одночасье низведены до уровня исполнителя приказов вышестоящего командира. Значительную автономию в принятии решений в период принципата сохраняли даже императорские легаты. Во всяком случае, их стремление к такой самостоятельности обнаруживается на протяжении всего периода ранней Империи. Объяснять это лишь фактом удаленности провинций и своеобразия местных условий, вероятно, было бы опрометчиво. Достаточно сравнить это с той системой, которая установилась в период домината и характеризовалась тенденцией к централизации. Очевидно, что явочным порядком под властью императоров в период ранней Империи продолжали жить республиканские практики, предполагавшие такую систему командования, при которой империй был реальным источником высшей власти, распределявшей относительно равномерно среди всех обладателей, империя. В этой связи провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи выступают как фактически автономные военачальники, иногда реализовавшие свои полководческие амбиции даже вопреки официальному статусу императорских порученцев.

Источники и литература

1. Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. 1988. №4. С.20–36.
2. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / пер с нем.: в 2 т. Т.1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с.
3. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т.1. / пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. 400 с.
4. Смышляев А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // *Jus antiquum. Древнее право.* № 17. С. 65–72.
5. The Cambridge Ancient History. The High Empire, A. D. 70–192. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Vol. XI. xxi, 1161 p.
6. Campbell J. B. Who Were the «Viri Militares»? // *The Journal of Roman Studies.* 1975. Vol. 65. P.11–31.
7. Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius / Collected by V. Ehrenberg and A.H.M. Jones. 2-nd (enlarged) ed. Oxford: Oxford University Press, 1955. xii, 171 p.
8. Kotula T. Septymiusz Sewerus: Cezarz z Lepcis Magna. Wroclaw: Ossolineum, 1987. 188 s.
9. Millar F. Rome, the Greek World, and the East. Vol. 2 Government, Society, and Culture in the Roman Empire. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004. xxix, 470 p.
10. Mitchell S. Imperial Bulding in the Eastern Provinces // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1987. Vol.91. P.333–365.
11. Shaw B.D. Bandits in the Roman Empire // *Past and Present.* 1984. No.105. P.3–52.
12. Sherk R.K. Roman Imperial Troops in Macedonia and Achaea // *The American Journal of Philology.* 1957. Vol. 78 (1). P. 52–62.
13. Sherk R.K. The Inermes Provinciae of Asia Minor // *The American Journal of Philology.* 1955. Vol. 76 (4). P. 400–413.

References

1. Kolosovskaja Ju.K. Rimskij namestnik i ego rol' vo vneshnepoliticheskoj istorii Dakii (The Roman governor and his role in the foreign policy history of Dacia) // *Vestnik drevnej istorii.* 1988. No. 4. P.20–36 (In Russian).
2. Krist K. Istorija vremen rimskih imperatorov ot Avgusta do Konstantina (History of the times of the Roman emperors from Augustus to Constantine). Translated from German: in 2 volumes. Vol.1. Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. 576 p. (In Russian).

3. Rostovtzeff M. I. *Obshchestvo i hozjajstvo v Rimskoj imperii (Society and economy in the Roman Empire)* In 2 volumes / Translated from German St. Petersburg: Nauka, 2000. Vol. 1. 400 p. (In Russian).
4. Smyshljaev A. L. *Rimskij namestnik v provincial'nom gorode: stil' upravlenija v jepohu principata (Roman governor in a provincial city: management style in the era of the Principate)* // *Jus antiquum. Drevnee pravo*. No. 17. P. 65–72. (In Russian).
5. The Cambridge Ancient History. The High Empire, A. D. 70–192. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Vol. XI. XXI, 1161 p.
6. Campbell J. B. Who Were the «Viri Militares»? // *The Journal of Roman Studies*. 1975. Vol. 65. P.11–31.
7. *Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius* / Collected by V. Ehrenberg and A. H. M. Jones. 2-nd (enlarged) ed. Oxford: Oxford University Press, 1955. XII, 171 p.
8. Kotula T. *Septymiusz Sewerus: Cezarz z Lepcis Magna*. Wroclaw: Ossolineum, 1987. 188 s.
9. Millar F. *Rome, the Greek World, and the East*. Vol. 2 *Government, Society, and Culture in the Roman Empire*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004. XXIX, 470 p.
10. Mitchell S. *Imperial Building in the Eastern Provinces* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1987. Vol.91. P.333–365.
11. Shaw B.D. *Bandits in the Roman Empire* // *Past and Present*. 1984. No.105. P.3–52.
12. Sherk R.K. *Roman Imperial Troops in Macedonia and Achaea* // *The American Journal of Philology*. 1957. Vol. 78 (1). P.52–62.
13. Sherk R.K. *The Inermes Provinciae of Asia Minor* // *The American Journal of Philology*. 1955. Vol. 76 (4). 400–413.

Список сокращений

Научные журналы и продолжающиеся издания, папирология и эпиграфика

- ВДИ – Вестник древней истории
- AE – L'Annee epigraphique
- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
- ILS – Inscriptiones Latinae Selectae
- RIB – Collingwood R.G. and Wright R.P. *The Roman Inscriptions of Britain, I, Inscriptions on Stone*. Oxford: Clarendon Press, 1965. xxxiii, 790 p.
- RMR – Roman Military Records on Papyrus. By Robert O. Fink. – Cleveland: Case Western Reserve University, 1971. xvii, 564 p.

Античные литературные источники

- Cic. Ep. ad. Qui. fr – Цицерон «Письма к брату Квинту»
- Dig – «Дигесты»
- Dio – Дион Кассий «Римская история»
- Fronto Ep. ad Ant. Pium – Фронтон «Письма к императору Антонину Пию»
- Herod. – Геродиан «История после Марка»
- Joseph – Иосиф Флавий:
- BJ – «Иудейская война»
- AJ – «Иудейские древности»
- Plin. Ep. – Плиний Младший «Письма»
- SHA – «Авторы жизнеописаний Августов»:
- Ant. Pius – «Антонин Пий»
- Comm. – «Коммод»
- Did. Jul. – «Дидий Юлиан»
- Hadr. – «Адриан»
- Marc. – «Марк Аврелий»
- Strabo – Страбон «География»
- Suet. – Светоний «Жизнь двенадцати Цезарей»:
- Galb. – «Гальба»
- Tib. – «Тиберий»
- Tac. – Тацит:
- Agr. – «Жизнеописание Юлия Агриколы»
- Ann. – «Анналы»
- Hist. – «История»
- Vell. – Веллей Патеркул «Римская история»

Сведения об авторе

Телепень Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина / telepen_serg@mail.ru
Адрес: 247760, д. 28, ул. Студенческая, Мозырь, Республика Беларусь.

Information about the author

Telepen Sergey – PhD in History, Associate Professor, Chair of History and Social Sciences, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, / telepen_serg@mail.ru
The address: 247760, 28, Studentcheskaya st., Mozyr, Republic of Belarus.